

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ПИСЬМА СЪ БЕРЕГОВЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

—

I.

Возвратясь недавно изъ поѣздки по Херсонской губерніи, я намѣренъ начать обѣщанныя мною замѣтки расказомъ о прогулкѣ моей по этой части степнаго пространства южной Россіи, столь замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ: здѣсь совершились нѣкогда важныя событія, но надъ ними мракъ забвенія часто спорить съ свѣтомъ исторіи, и только въ наше время, просвѣщеніе, подъ покровомъ могущественнѣйшей державы, озарило этотъ отдаленный край Европы своими благотворными лучами.

Еще не такъ давно грозный полумѣсяцъ скрылся въ волнахъ передъ Очаковымъ и Измаиломъ, и свѣтлый мечъ Карла XII помрачился подъ Полтавою; вдали

пылаетъ багровое, какъ кровь, полуночное солнце Золотой Орды, а за нимъ — будто пары, поднимающіеся изъ пропасти — мелькаютъ тѣни народовъ, съ именемъ и безъ имени, которые съ исхода IV вѣка смѣнялись одинъ за другимъ, уничтожая съ дикою жаждою истребленія все, что ни встрѣчалось имъ.

Вотъ на сколько мы должны удалиться назадъ, чтобы на этомъ театрѣ ужаснѣйшихъ переворотовъ увидѣть болѣе пріятныя и мирныя явленія; хотя и они исчезли невозвратно, но какъ все, что однажды приняло жизнь и образъ отъ творческой силы Греческой культуры, они навсегда принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ воспоминаніямъ человѣчества. Двадцать столѣтій протекло послѣ паденія столь счастливыхъ нѣкогда Греческихъ колоній, которыя процвѣтали по берегамъ Чернаго моря; но мнѣ все-таки хотѣлось взглянуть на природу и мѣста, посреди которыхъ они жили и отжили; мнѣ хотѣлось посмотреть, не найду ли хоть какихъ нибудь остатковъ ихъ давняго существованія — и я пустился въ степи. Другою цѣлью моею было прослѣдить путь, которымъ шелъ сѣверный Александръ (Карлъ XII) послѣ своего пораженія.

Прежде всего долженъ я сказать, что я сдѣлалъ эту поѣздку въ самомъ пріятномъ и поучительномъ обществѣ, — съ профессорами Ришельевского лицея: *Ф. К. Бруномъ* и *П. В. Беккеромъ*, которые съ живою любовью къ археологіи соединяютъ самый

общежительный и милый характеръ; первый изъ нихъ родомъ Финляндецъ. Четвертое мѣсто въ нашемъ экипажѣ не было занято, но въ мысляхъ мы единодушно отдавали его, съ дружескимъ воспоминаніемъ, нашему соотечественнику, профессору А. Д. *Нордману*, который недавно изъ этихъ краевъ переселился въ родную Финляндію и посвятилъ свою плодотворную дѣятельность тамошнему Университету. Какъ мы жалѣли, что его не было съ нами, для объясненія краснорѣчивыхъ надписей въ раскрытой подъ майскимъ небомъ книгъ природы!

Мы были очень довольны фурманомъ и экипажемъ, который наняли въ Одессѣ на всю поѣздку. Этимъ способомъ едва ли не всегда беззаботнѣе и спокойнѣе можно ѣздить по Россіи, по-крайней-мѣрѣ въ такихъ случаяхъ, когда не хочешь зависть отъ неуклоннаго направленія большой дороги. Но не всякому выборъ такъ хорошо удается какъ намъ. Правда, что экипажъ, длиною болѣе двухъ сажень, самъ по себѣ принадлежалъ къ роду скрипучихъ, а вистѣвая съ боку на желѣзной ѣлпи жестянка еще усиливала стукотню, такъ что намъ трудно было разговаривать; но за то мы сидѣли на сѣнѣ какъ на рессорахъ. Наши россияне, увѣшанные бубенчиками, конечно, не выиграли бы намъ на скачкѣ 1-го, 2-го или даже третьяго приза; но соединенными силами дюжины ногъ они все таки пробѣгали условленные 40 — 60 верстъ въ день. А

тотъ маленькій, кругленькій чловѣкъ, что сидѣлъ у насъ на козлахъ? и его не надобно забыть: меня долго занималъ вопросъ, къ какой націи онъ принадлежалъ.

Онъ родился и жилъ въ Бессарабіи, но не былъ Русскимъ; для него были почти совершенно чужды русскіе нравы, религія и языкъ. Онъ также не былъ «Швабомъ», хотя его вообще и называли такъ, распространяя это областное имя на всѣхъ колонистовъ, которыхъ предки переселились сюда изъ Германіи. Столько же мало шло къ нему болѣе почетное названіе *Нѣмецъ*, такъ какъ надобно быть по-крайней-мѣрѣ полу-господиномъ, чтобы въ южной Россіи заслужить это имя. Но еслибъ даже и забыть всякое различіе состояній, — боюсь, что этотъ простакъ скоро обмолвился бы передъ судомъ языкознанія. Онъ былъ очень простъ, но честенъ и добродушенъ, — въ этомъ надобно отдать ему справедливость, хотя вслѣдъ за тѣмъ нельзя не прибавить, что изъ всѣхъ душевныхъ качествъ, въ самой меньшей долѣ досталась ему храбрость. Но виновать ли онъ, если ему въ степи мерещились страшныя привидѣнія? Напротивъ, я готовъ видѣть только доказательства особенной откровенности въ томъ, что онъ при малѣйшемъ обстоятельстве, которое пробуждало его трусость, обращался къ намъ съ плачевною фізіономіею и жалобно произносилъ: «*ick haobe Angst*». Таковъ былъ нашъ Швабъ, и онъ, конечно, не пустился бы съ

нами по невѣдомымъ для него дорогамъ, еслибъ не чувствовалъ какого-то родственнаго къ намъ влеченія, узнавъ, что одного изъ насъ зовутъ Вильгельмомъ — «точь въ точь какъ его сына въ лавкѣ на старомъ базарѣ».

Мы оставили за собой заставу, препятствующую вывозу товаровъ порто-франко. Вмѣстѣ съ тѣмъ очутились мы внѣ предмѣстія и скоро миновали первый *Лиманъ*, называемый Одесскимъ или малымъ Куяльникомъ. «Пересыпи и Лиманы» составляютъ два самые характеристическіе рода урочищъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. «Пересыпами» называются полосы земли, нанесенной двумя встрѣчными массами воды, какъ здѣсь рѣками съ сѣвера и моремъ съ юга. Иногда эти пересыпи еще не образуютъ одного цѣльнаго пространства, давая морю и рѣкѣ сообщаться болѣе или менѣе глубокими отверстіями, иногда же составляютъ онѣ сплошную землю, поросшую травой и тростникомъ; иногда онѣ шириною только въ нѣсколько аршинъ, иногда въ нѣсколько верстъ, какова напримѣръ та, по которой мы теперь тащимся, и въ южномъ углу которой построено предмѣстье Одессы, по имени ея и названное. Высота ихъ вообще не значительна, такъ что по временамъ, отъ бурь или отъ напора сдер-

живаемой рѣки, онѣ то отчасти, то вполне заливаются водою.

Каждая пересыпь предполагаетъ Лиманъ, но не на оборотъ. Слово «Лиманъ» не Русскаго происхожденія, и я сомнѣваюсь, чтобъ оно употреблялось въ какой либо другой части Имперіи (*), хотя въ лексиконѣхъ значеніе его и объясняется просто словомъ : заливъ. Въ обширнѣйшемъ смыслѣ, подъ «лиманомъ» разумѣется на Черномъ морѣ всякій заливъ, въ болѣе тѣсномъ — только разлившееся устье рѣки, и, въ тѣснѣйшемъ, родъ озеръ (обыкновенно продолговатыхъ и очень соленыхъ), которыя возникаютъ, когда рѣка при впаденіи своемъ затягивается описаннымъ образомъ и вслѣдствіе того расширяетъ русло свое. Кажется, не слишкомъ смѣло будетъ предположить, что слово «лиманъ» осталось здѣсь со времени существованія Греческихъ колоній, когда на этихъ мѣстахъ находились «*Athenaion Limen* (гавань Аѳинянъ)», «*Karon Limen*, *Euboulon L.*, *Istrianon L.*» и др. Не вѣроятно, чтобы два народа независимо одинъ отъ другаго придумали одинаковое названіе для одного и того же предмета. Правда, что древніе пишутъ *Limen*, но извѣстно, что этому *e* въ народномъ языкѣ Грековъ соотвѣствовало долгое *a*, переходъ же значенія *гавань* къ нынѣшнему значенію былъ естественнымъ слѣдствіемъ

(*) Въ землѣ Донскихъ казаковъ лиманомъ называется озеро безъ тростника.

измѣненій, которыя происходили и до нынѣ происходят въ самомъ краю. Ужели приписать одному случаю, что древній «Sindikos Limen» соответствовалъ нынѣшнему лиману Кизиль-Ташъ, «Istrianon Limen» пересыпи и лиману Куяльника, «Isiakon Limen» вѣроятно Сухому Лиману и т. д.?

Пока меня занимали эти размышленія, взошла луна — и вотъ она съ задумчивой улыбкой озаряетъ землю и воды. Здѣсь сіянія ея не ослабляютъ свѣтлыя ночи, которыхъ не знаютъ на югѣ.

II.

Миновавъ и Большой Куяльникъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Одессы, мы пустились по возвышенной стени прямо на востокъ, и близехонько отъ насъ вправо тянулся дикій, изрытый берегъ Чернаго моря. Высоту этого побережья надъ поверхностію моря можно безъ преувеличенія полагать въ 80 — 100 футовъ; упоминая объ этомъ для того, чтобы вы не представляли себѣ здѣшняго края низменностью. Земля здѣсь не понижается постепенно (за исключеніемъ общаго наклона поверхности), но оканчивается у моря крутымъ обрывомъ и какъ бы стѣною, образующею террасу. Здѣсь нѣтъ твердаго оплота скалъ и горъ, и оттого происходятъ непрерывныя измѣненія берега; вотъ почему и можно извинить древнихъ, если ихъ описанія уже не согласны съ дѣйствительностью, если разстоянія въ

ихъ «Периплахъ» часто опредѣлены невѣрно. Но о древнихъ и говорить нечего: стоить только сравнить лучшія карты нашего времени (одна изъ новѣйшихъ — Манганари), и мы увидимъ, что не одни человѣческія познанія идутъ впередъ, но и сама природа не стоитъ неподвижно.

Въ отношеніи упомянутаго берега, можно представить себѣ море въ непрерывной наступательной войнѣ съ твердою землею. При каждомъ вѣтрѣ волны ударяются о берегъ съ ужасною силою; можетъ быть, напоръ ихъ останется безуспѣшнымъ сегодня и завтра — но онѣ безпрестанно возвращаются съ новою яростью, и наконецъ разгромъ удастся имъ. Подрыто единственное твердое основаніе берега, конгломератъ изъ улитокъ и извести, называемый здѣсь камнемъ, и который въ цѣлой Южной Россіи составляетъ третій или четвертый слой земли. Пограничная линія степи, постоянно атакуемая моремъ, колеблется, уступаетъ, рушится — и волны съ торжествомъ прорываются черезъ нее.

Но это только кажущаяся, минутная побѣда. Разобравъ дѣло, мы находимъ, что въ сущности море всякій разъ теряетъ ровно столько, сколько оно по видимому пріобрѣтаетъ. Оторванная земля, дѣйствіемъ самой воды, опять подымается и образуетъ съ остальнымъ берегомъ одну сплошную, однообразную массу. Такимъ образомъ по-настоящему не море, а земля подвигается, набирая тоже плѣнныхъ у своего безпокойнаго непріятеля. Я разумѣю тѣ со-

ленные озера, которыя, по изслѣдованіямъ *Палласа* и *Гумбольдта*, остались по удаленіи моря. Если сверхъ того принять въ соображеніе, что море теряеть посредствомъ испареній и отъ постепенной убыли своихъ притоковъ, то мы поймемъ, почему еще *Полибій* и *Страбонъ* могли полагать, что оно нѣкогда совершенно изсякнетъ и исчезнетъ.

Вотъ что было предсказано объ этомъ еще и нынѣ столь могущественномъ морѣ, и ученые нашего времени, судя по нѣкоторымъ признакамъ, заключаютъ, что въ до-историческій періодъ, владычество Чернаго моря было еще гораздо значительнѣе. Сбудется ли пророчество? Безъ всякаго сомнѣнія, хотя, можетъ быть, не прежде какъ въ періодъ по-историческій. Но мы, живущіе между этими двумя крайними чертами, уже много выиграли бы, еслибъ имѣли свѣдѣнія о борьбѣ обѣихъ стихій по-крайней-мѣрѣ за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ. Знаніе классической древности получило бы твердую опору на Скиѣской землѣ, этомъ столько же скользкомъ, какъ и плодоносномъ полѣ смѣлыхъ догадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ не пронеслось надъ нею предположеній, начиная отъ *Байера* до г. *Кольстера* въ Мельдорфѣ! Послѣдній, руководствуясь извѣстными, но не всегда основательными сочиненіями о Россіи, пытался, безъ собственныхъ наблюденій и не справясь съ главными изъ своихъ предшественниковъ, согласить древнія и новѣйшія мнѣнія.

Еще *Геродотъ*, который первый посѣтилъ и опи-

салъ Скиѣю, говорить о Понтѣ, что это самое чудное и замѣчательное море, на которое стоить по-смотреть, разумѣя, конечно, его особенность и трудность изобразить его словами, или получить о немъ вѣрное понятіе по одному описанію. И точно, нѣтъ сомнѣній, что еслибъ достаточно было таланта и книжной учености, то гипотезы *Нибура*, *Герена* и другихъ никогда не явились бы на свѣтъ.

Несправедливо было бы, оставляя безъ вниманія непрерывное взаимно-дѣйствіе моря и земли, отвергать показанія древнихъ; но съ другой стороны было бы столько же неосновательно вѣрить въ безошибочность ихъ мнѣній, даже касательно современныхъ обстоятельствъ. Нельзя не удивляться, видя, какое множество изслѣдованій было сдѣлано ими въ отношеніи къ Понту и къ странамъ, изъ сѣверъ отъ него лежащимъ, и какое тщательное вниманіе они обращали на Скиѣскіе народы, забывая почти совершенно ближайшую къ нимъ Малую Азію. Но могли ли они съ помощію науки повѣрять то, что слышали или видѣли, что возвращавшіеся изъ путешествій купцы или мореплаватели рассказывали объ этой землѣ чудесъ и ужасовъ? Принявъ доказанную *Нейманомъ* истину, что уже въ глубокой древности всѣ народы, игравшіе въ послѣдствіи самую дѣятельную роль на югѣ нынѣшней Россіи, по-крайней-мѣрѣ отчасти уже обитали тамъ; сообразивъ далѣе, какъ произвольно Греки на своемъ языкѣ передавали имена чуждыхъ народовъ и странъ, какое равно-

душіе они питали къ языкамъ всѣхъ варваровъ, — мы не можемъ отрицать, что въ извѣстія древнихъ писателей должны были вкратѣя самыя грубыя ошибки и промахи. Доказательства найти не трудно; укажемъ на самое разительное изъ нихъ.

Почему Греки въ самыя отдаленныя времена называли это море «*Axeinos*», т. е. *негостепріимнымъ*? Потому ли, что на берегахъ его не было еще никакихъ селеній, гдѣ отважные плователи могли бы находить надежное убѣжище? Да, такъ думали сами Греки, и оттого, когда измѣнились обстоятельства, переименовали это море, назвавъ его «*Euxeinos*» — *гостепріимнымъ* (*). Въ этомъ заключалось однакожъ недоразумѣніе, происшедшее отъ случайнаго сходства звуковъ. *Кулей* (Cooley) полагаетъ — и на мнѣніе его есть множество доказательствъ — что потомки Яфета, проходя чрезъ эти страны въ Европу, назвали море по имени внука его Аксена. Грекамъ звукъ этотъ показался знакомымъ, и такъ какъ онъ имѣлъ для нихъ значеніе, то понятно, что имъ наполнены всѣ созданныя богатымъ ихъ воображе-

(*) Когда же опять очертили доброе имя его? Не прежде, какъ въ средніе вѣка; ибо встрѣчаемый у *Эврипида* и другихъ древнихъ писателей эпитетъ: *мрачное, почное, черное* (*νύχιος, μέλας*) есть не что иное какъ метафора. Но Литовцы, назвавъ бывшее на сѣверъ отъ ихъ земли море «Балтійскимъ», т. е. *Бѣлымъ*, наименовали лежащее на югъ *Чернымъ* или «*Мор-Морі*» (у Новогрековъ *Μαύρη Θάλασσα*) — названіе, которое въ подлинномъ видѣ осталось для означенія Пропонта.

ніемъ сказки о Понтѣ (*). Напротивъ того, названіе *Euxēinos* было риторическимъ украшеніемъ, которое находилось въ ясномъ противорѣчій съ частыми бурями и суровостью окрестныхъ народовъ, такъ что, не смотря на общеупотребительность его, оно никогда не приобрѣло полной довѣренности; это достаточно доказывается тѣмъ, что еще Византійскіе писатели, говоря о Евксинскомъ Понтѣ, рѣдко забываютъ прибавить слова: такъ называемый (*καλούμενος*).

Не всегда отличаются точностью извѣстія Грековъ даже о тѣхъ мѣстахъ, которыя сами они заводили, для торговыхъ и другихъ выгодъ, на берегахъ моря и впадающихъ въ него рѣкъ. Какъ не увеличивается въ наше время народонаселеніе степи, она все еще малолюдна, а иногда, на пространствѣ цѣлыхъ миль, даже необитаема; поэтому можно судить, какъ скудно была она населена въ древности. Не надобно увлекаться длиннымъ спискомъ именъ древнихъ селеній; число ихъ было во всякомъ случаѣ не такъ велико по отношенію къ огромному пространству края, и притомъ самыя селенія были по большей части ничтожны. Только не многіе пункты возвысились торговлею, и служа общими, обыкновенно

(*) По такому же недоразумѣнію Греки передѣляли Индійское названіе Кавказа «*Cuti Borassi*» въ *Koite Boreai*, что значитъ «*Ложе Борея*», — понятіе, которое, по замѣчанію *Taitbout de Marigny*, каждую ночь подтверждается вѣсемъ вѣтра и яростію непогоды.

укрѣпленными складочными мѣстами мѣноваго торго, были болѣе извѣстны. Прочія селенія надобно считать только промежуточными станціями или привалами для мореходцевъ. Они быстро возникали и такъ же быстро рушились или переносимы были на другія мѣста, такъ какъ существованіе ихъ зависѣло столько же отъ пріязни своихъ, сколько и отъ вражды чужихъ. Вотъ отъ чего въ Периплахъ и другихъ не менѣе обширныхъ описаніяхъ упоминается то одно, то другое селеніе, и рѣдко встрѣчаются одни и тѣ же въ теченіе долгаго времени. По большей части отъ нихъ не остается ничего, кромѣ имени, и мы тщетно стараемся опредѣлить мѣсто ихъ на нашихъ картахъ.

Но читатель, конечно, найдетъ, что мы подвигаемся ужъ слишкомъ медленно, и мы сами сознаемся въ томъ. Скоро ужъ полночь, а мы добрались только до *Дофиновки*, первой станціи отъ Одессы. Маленькая остановка очень порадовала нашего фурмана, который съ истинно-отеческою нѣжностью берегъ своихъ лошадей.

По мнѣнію полковника *Стемпковского*, который съ наибольшею точностью занимался изслѣдованіемъ греческихъ колоній между Днѣстромъ и Днѣпромъ, — на этомъ мѣстѣ находился древній *Скопелосъ*. Здѣсь есть прѣсная вода и протекаетъ рѣчка, малый Буяльникъ или Аджилынь (въ настоящее время только лиманъ), а къ сторонѣ моря земля образуетъ возвышенность, которая могла послужить

поводомъ къ древнему названію мѣста. Но мнѣніе г. *Степиковскаго* основывается на ошибочномъ предположеніи, будто римской мили соотвѣтствуетъ русская верста. Притомъ изъ земли не вырыто (въ теченіи 26-ти лѣтъ) ничего, что бы подтвердило догадку его. Не будемъ и мы терять времени на копаніе, тѣмъ болѣе, что въ такихъ незначительныхъ мѣстахъ, какимъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ Скопелось, случаю чаще нежели предвидѣнію ученыхъ удастся, какъ говоритъ народъ, найти на свое счастье денежекъ.

Пока лошади лакомились овсомъ, я слушалъ довольно оригинальный деревенскій концертъ, который производили двѣ скрипки и кимвалъ; музыканты были польскіе жидаы, и это мнѣ объяснило, какимъ образомъ два или три танца ихъ по такту и мелодіи походили на тѣ польки, которыя мы слыхивали на сѣверѣ.

Дорога отъ Дофиновки далѣе сохраняетъ тотъ же характеръ, но онъ выражается тѣмъ болѣе рѣзкими чертами, чѣмъ разстояніе отъ Одессы увеличиваетъ: тамъ, по близости города, человѣческій умъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ противъ однообразія природы. Съ трехъ сторонъ степь, съ четвертой море, кое-гдѣ долины, въ которыхъ рѣки или рѣчки давно пересохли, кое-гдѣ обрывъ, нигдѣ ни горы, ни скалы, ни даже порядочнаго камня, нигдѣ ни лѣса, ни рощи, ни даже хоть дерева или куста, за исключеніемъ развѣ посаженныхъ какъ на стражѣ передъ

домами болѣе зажиточныхъ людей. Для насъ, жителей гористой Финляндіи, непонятно, какъ у степи могутъ быть также свои поэты, какъ и этотъ «бѣдный край» можетъ тронуть сердце и воодушевить лиру. Но дѣйствительно и здѣсь поются пѣсни, и здѣсь живетъ поэзія.

Въ 8-ми верстахъ отъ Дофиновки, по четвертой пересыни (считая отъ Одессы), проѣхали мы мимо четвертаго лимана, называемаго Большимъ Буяльникомъ; проѣха вѣ еще 8 верстъ, прибыли мы въ деревню *Сичевку*, которая лежитъ при небольшой, лѣтомъ пересыхающей рѣчкѣ. Не только въ Русскихъ городахъ, но и по дорогамъ встрѣчаются такъ называемые «постоялые дворы» съ меблированными комнатами для проѣзжихъ. Но рѣдко можно получить прислугу, съѣстныхъ припасовъ мало, а постельнаго бѣлья нельзя достать даже и въ самыхъ лучшихъ гостиницахъ. Имѣть съ собою все нужное въ дорогѣ и затруднительно и дорого. Для семейныхъ путешественниковъ это легко: они-то и ввели этотъ порядокъ вещей, возя съ собою запасы съѣстнаго и другія принадлежности дороги, часто даже постели, кухонную посуду и уголья. Но что навѣрное можно найти вездѣ, даже и въ послѣдней избѣ, — это самоваръ, который несомнѣнно доказываетъ вамъ, что вы въ Россіи.

III.

На слѣдующее утро, не позже какъ часа черезъ
№ 383.

два послѣ восхожденія солнца, мы находились уже на развалинахъ древняго *Одесса* (*Oδυσσός*). Правда, Данвиль (*d'Anville*) и всѣ послѣдователи его полагаютъ, что этотъ городъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Очакова; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ при дворѣ Екатерины II, онъ былъ тамъ, гдѣ ея основана Одесса; въ самомъ же дѣлѣ чуть ли не на серединѣ между двумя пунктами. *Бларамбергъ*, сколько я помню, первый высказалъ догадку, что древній Одессъ лежалъ въ 45-ти верстахъ къ востоку отъ нынѣшней Одессы и въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ деревни и почтовой станціи *Коблевки* или *Троицкой*. (*) Эта догадка въ послѣдствіи принята и другими. Г. *Степиковскій* достигъ того же результата, сравненіемъ разстояній по исчисленію древнихъ. Г. *Мурзакевичъ* не только соглашается съ этимъ мнѣніемъ, но изъ двухъ найденныхъ близъ Коблевки въ 1837 и 1839 годахъ греческихъ надписей выводитъ самыя смѣлыя заключенія о благосостояніи и значительности города въ древности. (**)

Подлѣ самага города протекала рѣка *Axiaces*; русло ея теперь занимаетъ обширный, соленый и рыбистый лиманъ *Телигульскій*, съ его широкою пересыпью, въ которой отъ 4-хъ до 5-ти верстъ ширины и

(*) Не Телигульской ли? См. Россійскій Почтовый Дорожникъ. С. Петербургъ 1842. № 1,099.

(**) Вѣроятно, эти надписи принадлежали Ольгій, потому что на нихъ нѣтъ имени города.

которая известна подъ именемъ *плавней*. Въ иные годы покрывающій ее тростникъ вырастаетъ въ сажень вышины и служитъ тогда убѣжищемъ волкамъ, (единственному роду хищныхъ звѣрей въ степи), но мы видѣли одинъ голый пустырь, поросшій низкою ползущею зеленью и гдѣ мѣстами являлись небольшія озера, иногда соединявшіяся узенькими протоками съ лиманомъ или моремъ.

Такъ какъ для гавани, которую Арріанъ нашелъ здѣсь еще во время Плинія, по свойству мѣстности, не остается иного пункта, кромѣ самой пересыпи, то здѣсь можно, кажется, отчасти рѣшить вопросъ: къ какому именно времени относится происхожденіе этого рода приморскихъ урочищъ? Безымянный плаватель по Черному морю, который явно имѣлъ въ виду исправить и пополнить прежнія показанія, особливо Арріановы, говоритъ объ Одессѣ, но уже вовсе не упоминаетъ о гавани. И такъ уничтоженіе гавани и образованіе пересыпи надобно отнести къ IV-му столѣтію.

Въ Коблевкѣ обратились мы къ управителю, отъ котораго, какъ живущаго здѣсь постоянно, можно было ожидать точныхъ мѣстныхъ свѣдѣній. Самъ онъ былъ въ отлучкѣ, но сынъ надѣлъ сапоги и отправился съ нами въ поле. Солнце палило немилосердно, а въ душѣ мы сгѣрали жаромъ любознательности. Да и какой антикварій не воспламенился бы отъ рассказовъ такого краснорѣчиваго проводника о находкахъ, сдѣланныхъ и здѣсь и тутъ и тамъ? Онъ

бывалъ за границею, можетъ быть даже въ Парижѣ, но, по-видимому, кромѣ коллекціи родной деревни, никакія другія не имѣли для него цѣны. Изъ его словъ можно было заключить, что вся Коблевка — музей; что въ каждой кучѣ сору отыскано здѣсь какое нибудь великое сокровище. На такой классической землѣ все пріобрѣтало для меня высшее значеніе; воображеніемъ переносился я въ другія времена, усердно писалъ подѣ диктовку въ мою дорожную тетрадь, набивалъ себѣ карманы обломками камней, отмѣчалъ совѣстливо мѣста, гдѣ они лежали, и терпѣливо несъ весь этотъ грузъ въ знойное утро. Но прогулка была такъ продолжительна, что ревность моя уже начала остывать; я думалъ: нашему молодцу надобно разгуляться, онъ болтаетъ еще въ просонкахъ, мы разбудили его слишкомъ рано. Я выбросилъ самыя тяжелыя изъ моихъ пріобрѣтеній. Мы продолжали идти; вотъ мѣсто (у столба 2-й версты), гдѣ выкопаны упомянутыя двѣ надписи. Нашъ менторъ считалъ фундаментъ какой-то лачужки памятникомъ древности. Я еще облегчилъ свои карманы. Но краснотѣіе нашего чичероне шло все выше и выше, вмѣстѣ съ солнцемъ; онъ рассказывалъ намъ о древнихъ могилахъ съ уцѣлѣвшими остовами, о монетахъ, обломкахъ стрѣлъ, глиняныхъ сосудахъ, урнахъ, вазахъ и т. д. Жаль только, что онъ забылъ, кому они достались; мѣсто, гдѣ находились эти драгоценности, уходило отъ насъ, какъ Рифейскія горы, все дальше и дальше, по мѣ-

рѣ того какъ мы подвигались. Рѣшено было позавтракать и потомъ воротиться верхомъ или въ экипажѣ.

Подкрѣпивъ свои силы, я нетерпѣливо ожидалъ, когда мы опять пустимся въ путь. «Сейчасъ, сейчасъ, сію минуту!» Между тѣмъ нашъ ораторъ не зналъ, какъ бы отдѣлаться отъ насъ. Ужъ онъ болѣе не могъ служить намъ проводникомъ, у него дома не было лошадей, въ нашемъ экипажѣ онъ бы только стѣснилъ насъ; но онъ на лоскуткѣ бумаги начертилъ воображаемые курганы — они, по словамъ его, были у самой дороги — стѣило только ѣхать всѣ прямо, и т. д.

Послѣ всего этого легко представить себѣ, какъ охотно я принялъ послѣдній совѣтъ. Въ Коблевкѣ я уже довольно слышался о древнемъ Одессѣ, хотя, за исключеніемъ развѣ самой мѣстности, не видѣлъ ничего интереснаго въ археологическомъ отношеніи. Но я долженъ замѣтить мимоходомъ, что мы во время прогулки нашей, въ нѣкоторомъ отдаленіи на востокъ отъ церкви села и къ сѣверу отъ предполагаемаго мѣста города, завидѣли курганъ, который, будучи самымъ большимъ въ цѣломъ околоткѣ, привлекъ наше вниманіе. Подойдя къ нему, мы вымѣряли находящееся вблизи почти квадратное земляное укрѣпленіе съ валомъ, вышиною аршина въ два и длиною около 160-ти футовъ. Трава была здѣсь гуще и свѣжѣе, нежели въ прочихъ мѣстахъ, но преданія молчали. Воображеніе наше разыгралось

на свободѣ; изъ всѣхъ возможныхъ догадокъ мнѣ болѣе всего нравилась мысль, что этотъ валъ насыпанъ Шведами, во время похода Карла XII. Но объ этомъ послѣ.

Нужно ли мнѣ говорить, что намъ такъ же мало какъ Дарію посчастливилось достигнуть Скиѣскихъ могилъ, къ которымъ мы стремились? Но ежели есть хоть какая нибудь доля правды въ томъ, что я съ недоувѣрчивостію слышалъ, то надѣюсь, что оно все-таки не будетъ потеряно для науки, такъ какъ молодой графъ *Уваровъ* совершилъ по этому краю путешествіе съ архелогическою цѣлью и, вѣроятно, вскорѣ издастъ о немъ большое сочиненіе (*).

Мы ѣхали почтовымъ трактомъ, который отъ Тиле-гульскаго лимана идетъ на сѣверо-востокъ и такимъ образомъ все болѣе удаляется отъ морскаго берега, и прибыли въ *Сасицкую* или *Красный трактиръ*. Это — разстояніе длинное и пустынное; таковы, конечно, Сибирскія тундры и степи Аравіи, если только вмѣсто травы и цвѣтовъ предположить мохъ и песокъ. Однакожъ здѣсь путешественнику есть чѣмъ занять свои мысли, при видѣ множества кургановъ или *могилъ*, которые, какъ острова, разбросаны по ровной и плоской почвѣ. Они созданы не природою, хотя можно спросить, откуда же взята земля для сооруженія ихъ, когда въ окрестностяхъ не видать никакихъ углубленій или ямъ? Къ тому

(*) Теперь оно уже вышло въ свѣтъ.

же они существуют съ незапамятныхъ временъ. Противно исторіи было бы, основываясь на имени, приписывать имъ Монгольское (Могольское) происхожденіе, хотя *Рубруквисъ* и другіе современники свидѣтельствуютъ, что курганы имѣли у этого народа важное значеніе. Мы знаемъ, что еще Геродотовы Скиѣы видѣли ихъ и присвоивали своимъ предкамъ.

Признаемъ то, что всего вѣроятнѣе: каждый изъ кочевавшихъ въ степи народовъ участвовалъ въ ихъ сооруженіи и умноженіи, каждый по мѣрѣ своихъ потребностей. Касательно же этихъ потребностей есть два главные мнѣнія. Одни считаютъ курганы могильными памятниками, частію потому, что на нихъ находили, въ полусидячемъ положеніи, безобразныя каменные изваянія, называемыя *Бабаши*, частію и потому, что въ нѣкоторыхъ курганахъ, по разрытіи ихъ, оказывались старинныя (негреческія) оружія, кости и т. п. Другія полагаютъ, что они служили для указанія дорогъ въ обширной степи, а также для наблюденія съ этихъ возвышенныхъ мѣстъ, не угрожаетъ ли непріятельское нападеніе.

Мнѣ кажется, что оба эти мнѣнія должны быть соединены въ одно, болѣе общее. Представимъ себѣ степь безъ всякихъ холмовъ и возвышенностей, во всей ея необозримой обширности и наготѣ: въ такомъ случаѣ даже и для самаго грубаго, дикаго народа, не было бы никакой возможности обитать въ степи. Положимъ, что въ лѣтнее время шатры

кое-какъ защищали бы его отъ солнечнаго зноя, и отъ ненастья, но самые эти шатры не могли бы, безъ особенной защиты, выносить тѣхъ частыхъ, грозныхъ выюговъ или мятелей, о которыхъ поселянинъ не говорить безъ крестнаго знаменья и которыхъ яростные набѣги знаменуются разрушенными жилищами, трупами людей и животныхъ. Мы строимъ себѣ города и деревни; кароды, которыхъ богатствомъ были пастбища и стада, ограждали себя другимъ образомъ. Всякій согласится, что при ихъ кочевомъ бытѣ, самымъ удобнымъ къ тому способомъ были курганы. Это были единственные неподвижные пункты, которые оставались и по переселеніи орды въ другое мѣсто. Ихъ первымъ назначеніемъ было доставлять защиту и убѣжище во время непогоды. Но съ этимъ могли быть соединены и многія побочныя цѣпи. Еще и теперь мы видимъ, что пастухи то отдыхаютъ въ тѣни при подошвѣ этихъ холмовъ, то съ вершины ихъ пересчитываютъ свои стада. Пѣшеходъ и поселянинъ знаютъ ихъ взаимное мѣстоположеніе и по этому направляютъ путь свой; часто виднѣется надъ ними крестъ, показывающій, что и до нынѣ еще они служатъ иногда могилами; Миннихъ, Потемкинъ и другіе полководцы знали пользу ихъ въ военное время.

Станція Красный Трактиръ ничѣмъ не оправдываетъ своего замѣчливаго имени. Здѣсь нѣтъ даже порядочной воды для питья. Сѣрая, мутная влага

медленно протекающей рѣчки Сасика хоть и не совсемъ засохла, но ею поить только скотъ. Въ колодцахъ, какъ обыкновенно, мы нашли соленую, жесткую воду, а цистерны были пусты. У насъ, въ Финляндіи, обильной ключами, жажда только въ крайности утоляется дождевою водою, а здѣсь это изъ всѣхъ напитковъ самый здоровый и лучший; особливо хороша эта вода при кипяченьи, и потому превосходна для чая.

IV.

Проѣхавъ въ ужасный зной еще 16 верстъ, мы очутились на мосту надъ рѣчкою Березанью, которая чуть текла подъ нами ручейкомъ сажени въ двѣ ширины; въ илистой водѣ ея купались дѣти и телята. Далеко расходящіеся берега ея и вся окрестность показываютъ, однакоже, что рѣка эта нѣкогда была гораздо значительнѣе. Отъ того не безъ основанія полагаютъ, что она уже была извѣстна древнимъ подъ именемъ Rhode (у Плинія), если только оно не принадлежало скорѣе Сасику или его лиману, который, огибая оконечность выступающаго клиномъ полуострова, сливается съ лиманомъ Березани (Овидіевъ Sagaris?). Оба эти лимана почти одинаковаго размѣра, имѣя верстъ 12 — 13 въ длину и 3 — 4 версты въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Тѣми же цифрами означается ихъ совокупное теченіе, которое, образуя заливъ Березанскій (Плиніевъ Sinus Sagaricus?), изливается въ море, а не от-

дѣляется отъ него пересыпью, какъ всѣ доселѣ названные лиманы.

Обѣхавъ эти воды, мы направились къ юго-востоку въ *Янчокракъ* (27 верстъ отъ Краснаго Трактира), помѣстье графа *Кушелева-Безбородко*, съ тѣнистымъ садомъ на небольшомъ притоку Березани. Здѣсь жена управляющаго приняла насъ радушно и угостила кофеемъ, превосходно испеченнымъ теплымъ хлѣбомъ и свѣжимъ сливочнымъ масломъ. Мы съ часокъ роскошничали на старинныхъ диванахъ, въ простыхъ, но просторныхъ и прохладныхъ покояхъ, и потомъ осмотрѣли, какіе здѣсь есть, остатки древности.

Ихъ оказалось не слишкомъ много: нѣсколько монетъ, въ числѣ которыхъ профессоръ *Беккеръ* нашелъ двѣ очень рѣдкія, бюстъ и два мраморные льва. Но эти вещи открыты не въ Янчокракѣ (хотя разрытый огромный курганъ — который я посетилъ, чтобы въ разрывѣ рассмотреть его устройство — доказываетъ, что и здѣсь народное повѣрье мечтаетъ о кладахъ); эти вещи перевезены сюда изъ Ольвіи. Львы, украшающіе крыльцо управляющаго, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ предметовъ, найденныхъ въ землѣ, хотя до сихъ поръ еще никому не описаны. Они изъ бѣлаго мрамора, натуральной величины и, за исключеніемъ морды, вполне уцѣлели. Оба совершенно сходные между-собой, они лежатъ съ приподнятой головою, опущеннымъ хвостомъ и протянутыми впередъ лапами; у каж-

даго въ боку находится выточенное углубленіе діаметромъ въ 4 дюйма, гдѣ укрѣпленъ былъ конецъ соединявшаго ихъ мраморнаго цилиндра (котораго теперь уже нѣтъ). Стилъ рѣзца, кажется мнѣ, можетъ быть отнесенъ не далѣе, какъ за два вѣка до Р. Х.; пропорціи невѣрны, и второстепенныя части отдѣланы не тщательно. Кожу образуютъ какія-то іероглифическія фигуры, нѣсколько похожія и на монограммы Ольвійскихъ монетъ и на руническое письмо.

Уже смеркалось, когда мы выѣхали изъ Янчокрака; такъ какъ до Ольвіи оставалось еще отъ 20-ти до 25-ти верстъ, то мы взяли съ собой проводника, молодого крестьянина. Любо было смотрѣть, какъ онъ гарцовалъ на своемъ конѣ; онъ сидѣлъ молодецки, какъ отличнѣйшій кавалеристъ, глазъ у него былъ соколиный; какъ «сынъ степи», онъ былъ вскормленъ на конѣ; онъ родился всадникомъ — казакъ въ полномъ смыслѣ.

Въ Ольвіи, т. е. нынѣшнемъ *Ильинскомъ* или *Порутинѣ* (*), принадлежащемъ также графу *Кушелеву-Безбородко*, мы провели вечеръ и часть ночи, просматривая небольшую, но отборную коллекцію монетъ и другихъ собранныхъ на мѣстѣ древностей, составленную управляющимъ имѣнія, молодымъ ба-

(*) Не слышится ли въ этомъ имени искаженное названіе Борисовна или Борусовна, которое Ольвія также носила въ древности.

рономъ Р., нашимъ любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ.

На слѣдующій день, уже рано утромъ, въ цѣломъ околоткѣ знали о нашемъ пріѣздѣ; всѣ, кто только промышлялъ открытіемъ древностей (мужчины, женщины, дѣти), собрались толпою на дворъ, предлагая древнія монеты, ручки разбитыхъ сосудовъ (*diotae*), подъ названіемъ астиномовъ, лампы, слезники, чаши и другія издѣлія, обломки мрамора, иногда съ остатками какой-нибудь надписи и проч. Мы однакожъ до времени устроились отъ этого нестраго базара антиковъ и поспѣшили отправиться къ самымъ развалинамъ, лежащимъ въ верстѣ съ небольшимъ къ югу отъ Порутинской церкви. Пробѣжимъ дорогою исторію города.

Колонія *Ольвія* или *Ольвіополь* (*Olbia Olbiolis*) основана была Милезцами въ VII вѣкѣ до Р. Х. и вскорѣ достигла благосостоянія, достойнаго имени ея (*Ὀλβία* = счастливая), благодаря торговлѣ, особенно пшеницею, солью и рыбою, которыми тогда, какъ и нынѣ, изобиловала окрестная страна. Уже во время посѣщенія *Геродота* въ V столѣтіи, «счастливый» городъ при «гостепріимномъ» морѣ имѣлъ предмѣстье, бѣлыя стѣны, крѣпкіе ворота, башни, храмы и частные дома, украшенные произведеніями ваянія: здѣсь процвѣтала Греческая жизнь въ художественномъ смыслѣ, ибо никакой другой народъ не умѣлъ въ такой степени пользоваться матеріальными богатствами какъ средствами къ высшимъ,

благороднѣйшимъ наслажденіямъ. Въ землѣ Сино-ской возникъ городъ, сынъ Элады, который въ металлѣ и мраморѣ облекъ воспоминаніе о себѣ для позднѣйшаго потомства. И онъ былъ не одинъ: съ нимъ счастливо соперничествовали Пантикапея, Фанагорія, «даръ боговъ Θεόδосія», Тирась и др. Если Ольвія не достигла рѣшительнаго первенства, то въ этомъ заключалось тѣмъ большее торжество для общей метрополи, которая все-таки имѣетъ предпочтительное право на наше удивленіе.

Есть Ольвійскія монеты изъ золота, электра, серебра и мѣди, въ чеканѣ до 200 различныхъ видоизмѣненій, изображающихъ мѣстные предметы вывоза или касающихся религіи; всякій день находятъ еще новыя — то въ развалинахъ города, то въ отдаленныхъ мѣстахъ (даже въ средней Европѣ), чѣмъ доказывается обширность торговыхъ сношеній Ольвіи. О любви къ искусству и эстетическомъ вкусѣ жителей свидѣлствуютъ статуи, барельефы, надписи въ честь заслуженныхъ согражданъ, архитектурныя украшенія, эпитафіи, вазы, амфоры и другія превосходныя глинныя издѣлія всѣхъ размѣровъ, золотыя цѣпочки, запястья, серги, жемчуги, камеи и тому подобныя принадлежности женскаго наряда, какъ въ музеяхъ, такъ и въ частныхъ рукахъ (*).

(*) Послѣ Кёлера (рѣшительно занимающаго первое мѣсто въ ученой археологіи южной Россіи), Кеннена. Рауль-Рошет-

Въ Ольвіи высоко цѣнили отечественную литературу, но особенно произведенія Гомера и Платона. Еще во дни Дій-Златоуста многіе жители знали наизусть пѣвца Ахиллова; готовясь къ битвѣ, они пѣли его стихи, и герой Троянской войны былъ болѣе всѣхъ почитаемъ: ему поклонялись какъ «владыкѣ моря» (Pontarches), ему посвящали храмы, именемъ его называли острова и селенія. Изъ самыхъ жителей Ольвіи многіе также прославились своими сочиненіями.

Съ свободою Греціи кончился періодъ процвѣтанія колоній ея: такъ на деревѣ листья сохнутъ и падаютъ, когда повредится стволъ. Не было уже защиты отъ хищности обитавшихъ вокругъ Ольвіи дикихъ народовъ, и когда Дій-Златоустъ жилъ тамъ во время своего изгнанія (въ 94 г. по Р. Х.), то еще съ ужасомъ вспоминали о набѣгѣ, сдѣланномъ Гетами за 150 лѣтъ предъ тѣмъ. Во всемъ видны были слѣды тогдашняго опустошенія. Городъ былъ не великъ; стѣны и башни его находились въ жалкомъ положеніи; дома были безобразные и маленькіе, храмы и памятники разрушены. Жители, смѣшанные съ иноплеменниками, приняли полускиѣскую одежду; они стыдились своего испорченнаго языка,

та, Бларамбага и Бѣка слѣдено очень мало для описанія памятниковъ Ольвіи. Поэтому трудъ гр. *Уварова* пополняетъ важный недостатокъ.

и тѣ изъ нихъ, которые болѣе другихъ проникали въ будущность, какъ, напримѣръ, прекрасный, храбрый восемнадцати-лѣтній Камлистратъ, искали возможности переселиться куда-нибудь подальше. Мало по малу уже вкрадывалось вліяніе Рима, и не позже какъ черезъ сто лѣтъ туземныя монеты вытѣснены были Императорскими.

Поднавъ подъ Римское владычество, Греческія колоніи при Черномъ морѣ раздѣлили судьбу всего государства, къ которому принадлежали: онѣ сдѣлались легкою добычею неизвѣстныхъ дотоѣ народовъ, которые чрезъ степь тѣснили другъ друга къ западу. Послѣ IV столѣтія имена этихъ колоній встрѣчаются уже чрезвычайно рѣдко, почему обыкновенно и довольствуются принятіемъ общаго мнѣнія, будто окончательное паденіе ихъ относится къ этому времени, тогда какъ болѣе внимательное изслѣдованіе исторіи Готовъ и Византійцевъ, можетъ быть, привело бы къ совершенно другимъ результатамъ.

Развалины Ольвіи лежатъ при небольшомъ заливѣ, образуемомъ косами Воложской и Сарыколекъ (*), на возвышенномъ западномъ берегу (**) Буга, о кото-

(*) За вѣрность этихъ двухъ названій не можемъ ручаться, такъ какъ они въ подлинникѣ написаны только Латинскими буквами.

(**) *Укертъ*, *Кольстеръ* и др. говорятъ: на восточномъ — непонятная ошибка! Кто бы принялъ это показаніе при изслѣдо-

ромъ древніе часто упоминаютъ подъ именемъ Гипаниса (Huranis). Слѣды города занимаютъ едва $\frac{1}{2}$ квадратной версты; но при этомъ двѣ большія земляныя насыпи, въ которыхъ еще при Бларамбергъ легко было узнать остатки башенъ (Cathetor и Rosios), и площадь Ста могилъ остаются далеко за предѣлами города. Окрестность — гористая; обращенныя къ рѣкѣ долины смѣняются возвышенностями, и можно бы подумать, что дома обрушились въ слѣдствіе землетрясенія или одного изъ тѣхъ обваловъ, которые такъ обыкновенны въ южной Россіи, еслибъ только не было извѣстно, что въ самыхъ углубленіяхъ не открыто ничего значительнаго. Самое большое изъ нихъ называется нынче «Городская балка», отдѣляя пространство, гдѣ, какъ думаютъ, была крѣпость или акрополь (на сѣверѣ), отъ самаго «города» (на югѣ), какъ называется въ народѣ мѣсто, гдѣ открыто всего болѣе древностей.

На каждомъ пригоркѣ видны слѣды лопатъ; иной какъ будто изрытъ кротами, такъ онъ во всѣхъ направленіяхъ исколотъ щупами. Разумѣется, что для пользы науки и систематическихъ изслѣдованій, этотъ родъ земледѣлія запрещенъ владѣльцемъ имѣнія или имѣніи; но что дѣлать, если тайная богиня «случая» непримѣтно передастъ что нибудь бобылю или работнику? Всѣ вещицы, которыя мы послѣ

ваніи разстояній по «Перипламу» и другимъ источникамъ, тотъ же далеко ушелъ бы.

пріобрѣли или осматривали, появились на свѣтъ этимъ невиннымъ образомъ.

Видъ изъ Ольвіи величественный, но пустынный. Взойдемъ на такъ называемый «Большой курганъ», на которомъ, вѣроятно, стоялъ храмъ Юпитера, — мѣсто, куда сходились жители Ольвіи для совѣщаній, гдѣ они слушали и рѣчь Діа, дошедшую до насъ съ другими его сочиненіями; при подошвѣ этого кургана, подъ самою поверхностью земли, найдены львы, осмотрѣнные нами въ Янчокракъ; — или взойдемъ на Акрополь, лежащій въ немногихъ только шагахъ отъ Большаго кургана, ниже по теченію рѣки. Передъ нами лиманъ Буга (уже верстъ въ 10 шириною, хотя до воронкообразнаго устья его остается еще 12 — 15 верстъ), часто, какъ и въ эту минуту, оживляемый рыбачьими лодками, пароходами, военными кораблями и другими судами, идущими въ Николаевъ или изъ этого города, который отсюда не далѣе какъ въ 30-ти верстахъ къ сѣверу. На противоположномъ, также крутомъ и какъ будто только-что обвалившемся берегу рѣки, степь разстилаетъ опять свою зеленую скатерть, въ складкахъ которой кое-гдѣ мелькаетъ то деревня, то сельская церковь; на синѣющемъ юговостокѣ она оканчивается мысомъ Станислава (у древнихъ *Nippolai* съ храмомъ Цереры), подъ которымъ сливаются волны Буга и Днѣпра и вмѣстѣ продолжаютъ теченіе съ востока на западъ подъ именемъ «Днѣпровскаго лимана». Крестьяне увѣряютъ, что въ совер-

шенно ясное утро виднѣется по другую сторону этого залива длинная и узкая Кинбурнская коса, единственное на значительномъ разстояніи мѣсто, гдѣ растутъ деревья въ дикомъ видѣ и которое у древнихъ поэтому называлось Нуласа (лѣснымъ). Со стороны твердой земли, окрестности Ольвіи, по своей природѣ, раздѣляютъ общій характеръ степи. Стоитъ однакоже упомянуть о безчисленныхъ, еще во времена Діа существовавшихъ здѣсь курганахъ, которые стоятъ рядами, одинъ возлѣ другаго, и сообщили пространству къ юговостоку отъ развалинъ названіе «Сто могилъ». Множество колодцевъ, плодородныя поля, луга и огороды свидѣтельствуютъ болѣе о трудолюбіи, нежели о превосходствѣ грунта.

Въ заключеніе мы посѣтили и вымѣряли задолго предъ симъ открытыя и очищенныя катакомбы или могильные склепы. Эти памятники составляютъ пріятное явленіе здѣсь, посреди уединенной природы, и жаль было бы уничтожать ихъ. Меня не мало удивило, что они такъ хорошо сохранились, хотя построены (какъ, безъ сомнѣнія, вообще здѣшнія жилища и въ старину и нынѣ) изъ мягкаго известняка, легко уступающаго обыкновенной пилѣ и топору. Но это, конечно, было преимуществомъ въ ихъ подземной архитектурѣ. Замѣчательно устройство крыши: она состоитъ изъ выдающихся уступами одна надъ другой плитъ, которыхъ выказывающійся край обшлифованъ и образуетъ родъ весьма твердаго свода.

Назадъ мы отправились водой, держась берега какъ можно ближе. Мы знали, что искатели монетъ съ большимъ успѣхомъ промываютъ землю, которая изъ «города» или Акрополиса скатывается въ рѣку. Но, къ сожалѣнію, дулъ юговосточный вѣтеръ и волны съ яростію ударялись о берега. Чтобъ вознаградить себя за эту неудачу, мы набили себѣ всѣ карманы гончарными издѣліями, которыми здѣсь наполнена земля. Обиліе ихъ заставляетъ предполагать, что здѣсь нѣкогда находилась фабрика, — догадка, которая подкрѣпляется глинистымъ свойствомъ здѣшней почвы (по берегу, къ сѣверу отъ Акрополиса) и нисколько не опровергается тѣмъ, что знаменитыя вазы изъ Эгины и Корциры составляли и въ Ольвіи важную статью привоза.

Какъ я сказалъ, на дворъ того дома, гдѣ мы остановились, нанесено было множество древностей. Особенно живо шелъ мѣновой торгъ монетою, потомъ сбытъ всякихъ ручекъ и другихъ обломковъ и мелочей; всего хуже продавались мраморныя издѣлія, потому что ихъ мы не могли взять съ собой, хотя между ними многое стоило бы того. Замѣчательнѣе всего въ этомъ родѣ былъ еще неописанный четвероугольный пьедесталъ, который я и срисовалъ съ позволенія управляющаго (пьедесталъ хранится у него). Это прекрасный мраморный камень, длиною въ 17 вершковъ, шириною въ 13, а вышиною вершковъ въ 9; на верхней сторонѣ его находятся углубленія для ногъ статуи, а на нижней, противъ са-

мага того мѣста, гдѣ приходятся пятки, двѣ круглыя впадины діаметромъ въ 4 дюйма. Лицевая сторона такъ повреждена, что изъ десяти еще остающихся строкъ надписи, впрочемъ весьма явственной, можно прочесть только послѣднія четыре. «Народъ приносить свою благодарность Юпитеру хранителю (Σωτήρ), который содѣйствіемъ одного согражданина даровалъ ему благодѣянія побѣды (*). Этого согражданина почтили статуею, подаркомъ въ 1,000 золотыхъ монетъ и торжественнымъ провозглашеніемъ награды на играхъ Діониса въ театрѣ». Чтò можетъ быть прекраснѣе такихъ чувствъ? Но отлагая всякіе комментаріи до болѣе удобнаго случая, я прибавлю только, что на дворѣ, гдѣ живетъ староста, лежитъ мраморная доска, видомъ и величиной подобная предъидущей, съ такими же выточенными на изнанкѣ полушаріями, но безъ надписи. Тамъ же вдѣлана въ ограду каменная ваза грубой работы, вышиною около полуаршина.

У.

Теперь переправимся черезъ Бугъ, и, оставивъ древнихъ, скажемъ нѣсколько словъ о дѣлахъ болѣе близкаго къ намъ поколѣнія. Но прежде бросимъ

(*) Слово «(Κ) allinikon» могло быть и собственнымъ именемъ.

прощальный взглядъ на прекрасный мраморный отрубокъ колонны, къ которой привязана наша лодка, выпивъ стаканъ самой свѣтлой воды въ честь престарѣлаго «отца исторіи», за его вѣрное описаніе «горькаго» Гипаниса — и пусть теперь вѣтеръ, вѣющій надъ его волнами, поетъ въ снастяхъ и парусахъ. Всѣхъ насъ на лодкѣ 13 человекъ, но я думаю, никто изъ насъ не суевѣренъ; къ тому же, вѣдь мы сейчасъ причалимъ къ «Гетмановой балкѣ», т. е. къ долинѣ гетмана. Этотъ гетманъ — Мазепа, измѣнникъ своего отечества, другъ Карла XII, героя, разбитаго при Полтавѣ, героя бѣгущаго, если эти два слова идутъ одно къ другому.

Въ отвѣтъ на мое сомнѣніе, вы скажете мнѣ, что и Греческій Александръ, который въ невѣрномъ описаніи Курція сдѣлался идеаломъ Карла, — что и онъ обратился назадъ, что и въ Индіи есть «Гипанисъ», видѣвшій его отступленіе. А я еще прибавлю: не возвращается ли и солнце въ своемъ круготеченіи, не теряя блеска лучей своихъ? Такимъ образомъ и отступленіе можетъ сдѣлаться побѣдою, геройскимъ подвигомъ; но такъ бѣжать, какъ Карлъ XII бѣжалъ послѣ пораженія подъ Полтавой, и все-таки сохранить во всей чистотѣ славу воина, — этого нельзя понять безъ объясненія.

Не думайте, что я только повторяю слова какого нибудь изъ строгихъ судей несчастнаго короля. Все, что я изъ книгъ могу теперь сообщить о его бѣгствѣ, заключается въ «Voyages» современника

Мотрея (Motraye), въ запискахъ тафельдекера Гультмана (Hultman), веденныхъ «во время вседневнаго нзхожденія при особѣ покойнаго короля» и имѣющихъ цѣну какъ выраженіе народнаго мнѣнія, и наконецъ въ русской статьѣ о лагерѣ въ Бендерахъ, написанной профессоромъ *Бруномъ*. Остальное подчерпну я изъ источниковъ другаго рода: природы и преданій. Но я не скрою, что всякое воспоминаніе казалось бы мнѣ прекраснѣе, еслибъ оно относилось къ бѣгству.

Не надобно также думать, что я, какъ гость Русскихъ, смотрю на это дѣло ихъ глазами: сами Русскіе отзываються о Карлѣ съ похвальнымъ безпристрастіемъ и рѣдко вы услышите недоброе слово о подвигахъ побѣжденнаго героя, хотя и казалось бы, что тѣсно стоять рядомъ двумъ такимъ національнымъ личностямъ, каковы Петръ I и Карлъ XII.

Даже простой народъ знаетъ про побѣду Царя, какъ самое блистательное событіе отечественной исторіи въ давнее время; но знаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и много изумительныхъ сказаній о пораженномъ королѣ. Вслушиваясь въ мѣстные преданія, я нашелъ, что народному чутью такъ же мало, какъ и пытливости ученыхъ, удалось рѣшить въ пользу Карла вопросъ: какая побудительная причина, какая необходимость могла заставить его, въ продолженіе пяти тягостныхъ для Швеціи годовъ, медлить вдали отъ своего государства, отъ своей родины, отъ храбраго наро-

да своего, оставаясь въ Турціи, куда онъ спасся бѣгствомъ?

Рѣшительная битва была проиграна и Шведы положили искать убѣжища въ предѣлахъ Порты. Сопровождаемый 1,800 человекъ, сверхъ Мазепы и его приверженцевъ, Карлъ переправился черезъ Днѣпръ (при Переволочнѣ), спѣша на югъ. Здѣсь начался самый пустынный край, и бѣгущій король называлъ его «Сарацынскою степью». Рана не позволяла Карлу ѣхать верхомъ; онъ сидѣлъ въ простой телѣжкѣ съ генераломъ Гордомъ (Hord), также раненнымъ. Прочіе по большей части шли пѣшкомъ, за неимѣніемъ лошадей. Кто невидѣлъ степи, тотъ не можетъ вполне представить себѣ, какія трудности сопряжены были съ этимъ отступленіемъ. Землю палило лѣтнее солнце, всѣ колодцы повысохли, съѣстныхъ припасовъ не хватало. Многіе солдаты и офицеры погибли отъ изнуренія. Русскіе слѣдовали по пятамъ. Спасеніе короля приписываютъ только тому, что казаки хорошо знали мѣстность, и случайному обстоятельству, что слѣды телѣжки заблудившагося Шведскаго комиссара наконецъ обманули Русскаго генерала. Но и тогда еще какъ это спасеніе было сомнительно!

5-го іюля Шведы, послѣ шестидневнаго пути, достигли восточнаго берега Буга, въ томъ самомъ мѣстѣ (принадлежащемъ къ селу Свято-Троицкому), гдѣ мы теперь находимся. Лодокъ не было — они не могли переправиться. Поэтому они сдѣлали зем

ляной окопъ нѣсколько къ югу отъ «Русской Косы», — такъ называется мысъ, вѣхъ далѣе выдающійся въ Бугъ: слѣды этого окопа еще видны на тучномъ пшеничномъ полѣ. Здѣсь найдены Шведскія и Польскія монеты, доставленныя одному собирателю въ Одессѣ. Для такихъ находокъ роютъ землю, когда она размягчена дождемъ. Мѣсто это открытое, и видъ отсюда такой же, какъ изъ Ольви, лежащей напротивъ, только немного южнѣе. Берегъ образуетъ стремнину.

Мазепа съ Запорожцами сталъ лагеремъ съ полверсты ниже по теченію рѣки, гдѣ напоминаютъ о немъ упомянутая долина (Гетманова Балка) и огромный курганъ въ ея углубленіи. Народъ рассказываетъ, что подъ этимъ холмомъ его могила; но это не справедливо: онъ умеръ и похороненъ въ Бендерахъ (*).

Между тѣмъ нѣкоторые бродившіе по степи Татары видѣли Шведовъ, и донесли о томъ пашѣ въ ближайшемъ Турецкомъ городѣ, Очаковѣ. Поэтому послы Карла, Понятовскій и Клинковстремъ, не успѣли еще доѣхать туда, какъ ихъ встрѣтилъ ага съ привѣтствіями отъ имени паши и съ провіантомъ. Но онъ не соглашался позволить свитѣ короля перейти границу, пока не получится на то разрѣшеніе султана, и сдѣлалъ весьма неохотно нужныя къ

(*) По другому извѣстію, онъ умеръ въ Очаковѣ и погребенъ въ Яссахъ.

пропуску ихъ распоряженія, — задержка, которая и для Шведовъ и для него самого имѣла тяжкія послѣдствія. По повелѣнію султана, онъ былъ наказанъ заключеніемъ въ темницу и выпущенъ только по ходатайству Карла. Но Шведы съ трудомъ избѣгли гибели.

Не прежде какъ 8-го числа янычары въ большой Турецкой лодкѣ перевезли короля на другой берегъ. Вслѣдъ за нимъ переправились епископъ Мальбергъ съ 7-ю пасторами и Мазепа съ своими казаками. Только спустя нѣсколько минутъ послѣ этого показалась Русская погоня. Между оставшимися по сю сторону рѣки распространились ужасъ и безпорядокъ. 300 Шведовъ были затоптаны въ Бугъ и потонули, 500 человекъ были взяты въ плѣнъ и уведены назадъ въ Полтаву.

Печальна была переправа Шведовъ черезъ Бугъ въ «Татарскую стѣну» (гдѣ мы съ ними опять сойдемся); теперь едва не случилось бѣды и съ нами. Но надобно уметь отличать опасность отъ дѣйствительнаго несчастія. Поэтому, хоть небо и покрывается тучами, мы можемъ спокойно пообѣдать у милой и веселой госпожи А. У ней богатый запасъ историческихъ воспоминаній о старомъ и новомъ времени, и она не откажетъ подѣлиться ими съ путешественникомъ, который дорожитъ такими свѣдѣніями. Узнавъ о нашей любознательности, предупредительная хозяйка позаботилась, чтобы самое угощеніе ея было по возможности поучительнымъ.

Осетръ, стерлядь, кефаль, судакъ и другіе большіе и малые представители влажнаго царства, служили для насъ самыми вѣрными оригиналами эмблемъ, всего чаще встрѣчаемыхъ на монетахъ Ольвіи и другихъ черноморскихъ городовъ. Они намекали намъ также на старинный, и по нынѣ еще обильный источникъ продовольствія въ здѣшнемъ краю. Не далѣе какъ за нѣсколько недѣль тому назадъ, въ Бургѣ наловлено было столько рыбы, что съ одной тони получено ея на 90 воевъ, которые хозяйка и отправила въ Одессу на базаръ: «90 chariots! que dites-vous, de grâce? est-ce possible, madame?» — Quatre vingt-dix! je vous assure, chacun trainé par une paire de boeufs, et pourtant quantité de poissons s'étaient échappés par un trou du filet». Послѣ того становится понятнымъ, какъ Келеръ, сколько ни былъ онъ ученъ, могъ написать цѣлую книгу объ исторіи рыбной ловли въ Черномъ морѣ и рѣкахъ, въ него впадающихъ. О еслибъ всѣ дравности могли жить и размножаться такимъ же образомъ!

